

О ПОЭТЕ КАШПУРОВЕ И НЕМНОГО О КРИТИКЕ

Новый сборник своих стихов И. Кашпуров назвал «Осенний снег». Нет указаний, в каком году родилось то или иное стихотворение, но общее впечатление от сборника: автор повзрослел.

Откройте его «Версты», вышедшие в 1967 году, — и вас охватит аромат певучих трав», тоска по детству, когда вы, теперь уже дажно горожане, прикасались босыми ногами к необъятному зеленому миру и видели небо...

Кашпуров вошел в литературу как певец природы, затронув в ней есенинскую струнку — очарование простотой. И вот новый сборник. «Степь», «Тяга земли», «Ходил в поля», «Земляника», «Картошка», «Пахнут яблони». Знакомые мотивы? Да.

И все же это новые вариации на знакомые темы. И манера исполнения иная. Раньше автор пел о красоте мира захлеб, не приструнивая чувства философскими обобщениями. В этом же ключе написано и вошедшее в новый сборник стихотворение «Пахнут яблони»:

Пахнут яблони горьковато
под веселой большой луной,
и от этого аромата сад качается,
как хмельной.

Степь холмистая ходит,
ходит, словно палуба, ходуном.
Вербы старые хороводят
возле копанцев, за гумном.

Та же тонкая прелесть бытия и в стихотворении «Земляника».

Но в этих, чисто кашпуровских, стихах все настойчивее звучит иная нотка: покаяние «блудного сына», у которого нет возможности навсегда вернуться к своей колыбели, и тоска по утрате:

...Но в басах городов

тонет голос цветов.
Тонет пение птиц
в шуме сел и станиц.
На планете земной
гул моторов сплошной.
Но должна же, должна
где-то быть тишина,
чтобы люди могли
слушать шепот земли,
чтоб роса... мурава...
где же вы, острова?

(«Острова тишины»)

Все большее место занимают теперь в стихах Кашпунова размышления о человеке, о его болях и радостях, о его месте в мире, правах и обязанностях. Эти гражданские мотивы были и в ранних стихах поэта, но теперь — это становится главным, о чем говорит поэт, говорит без трескучих фраз, с ненавязчивой искренностью. До минимума сверено количество «исповедальных» стихов. Спокойнее звучит «любовная» тема:

Проснись, жена, проснись, моя
хорошая,—

уже в саду проснулись тополя.

Ты погляди — каким-то белым
крошечком

усыпана озябшая земля.

.....

Пойдем к озерам по тропе
заброшенной,

чтоб не жалеть когда-нибудь о
том,

что где-то есть еще места
хорошие,

где мы ни разу не были вдвоем.

(«Осенний снег»)

На первое место в сборнике выходят другие стихи, другие темы. С болью пишет поэт в стихотворении «Тополя» о матери; посадившей когда-то пять тополей, каждый — в память о погибшем на войне сыне:

К ним выходит мать-старушка

древняя
и, печально помолясь буграм,
как с сынами взрослыми, с
деревьями
говорит о чем-то по утрам.

Однажды за границей поэт
услышал, как мальчуган попросил отца
купить ему книгу, попросил на русском
языке. Кто же его отец, что заставило его
покинуть родину? И вот рождается
стихотворение «Отцы», в котором автор
подводит итог своим размышлениям:

Но за сынов отцы в ответе,
как за отцов своих —
сыны.

Вот грустная женщина из
Марокко. Она стоит на берегу океана в
длинной фарадже среди «праздника»
обнаженных тел:

О, как, видать, она хотела
ту фараджу свою стряхнуть
и молодым горячим телом
рассечь зеленую волну.
Но сила темная корана
сильнее женщины была,
и все же берег океана
она покинуть не могла.

(«Марокканка на
пляже»)

Сочувствие другому человеку,
желание помочь ему — главный мотив
поэтического сборника И. Кашпулова.

Тема величия человека прозвучала
и в поэме «Аппассионата». Эта поэма —
удача автора. О Ленине писать трудно.
Но Кашпурову удалось сказать свежим
языком о том, о чем нам рассказал уже А.
М. Горький в своих воспоминаниях. У
Кашпулова поэма «Аппассионата» не
только поэма о Ленине. Основное
стремление поэта — еще раз, посвоему,
выразить преклонение перед величием
человека. Поэт восхищается и гением
выдающегося немецкого композитора,
сумевшего наступить на горло
собственной судьбе, призывая человека
идти вперед «через страданья — к

радости», и русским гением, который,
благодарный великим людям всех времен
и народов, счастлив, что и он причастен к
великому творчеству прекрасного
будущего. Удачно найдена и форма
поэмы: в основе ее композиции лежит
принцип ассоциативности, автор строит
поэму как поэтический «пересказ» своего
восприятия знаменитой сонаты
Бетховена, с которой связано имя
Ленина. Этот «музыкальный» принцип
настроения поэмы делает невозможным
цитирования ее «малыми дозами».

Поэт стремится и умеет подметить
явление, о котором еще никто не сказал.
Взять хотя бы лучшее, пожалуй, его
стихотворение «У памятника Вечной
Славы», которое покоряет гражданской
мудростью и гуманизмом:

...Венки живых цветов, что
принесли мы
к подножью Монумента Вечной
Славы,
увянут скоро. Не увянет память.
Останется любовь. И вечно будут
здесь продолжаться светлые
свиданья,
как будет вечно продолжаться
жизнь,
оплаченная тысячами жизней.

Поэт должен быть именно таким:
заметил факт, «пропустил» его через
сердце и разум — и дал единственно
верное объяснение. В данном случае поэт
говорит от имени тех, кто смотрит на нас
незрячими глазами и не упрекает.
Близким погибших, конечно, больно, это
естественно, это подмечено верно. И
юноша, который пришел сюда на
свидание и не забыл принести цветы для
своей любимой, сможет сердце свое сде-
лать как факел, когда это будет надо лю-
дям.

Итак, перед нами знакомый поэт.
Но читая новый сборник его стихов
«Осенний снег», как бы видишь седины
на висках его поэзии. Хорошо это или
плохо? У каждого возраста есть свои
приобретения и свои утраты, у каждого
возраста есть свое обаяние. И счастлив

тот, кто может сказать, как В. Луговской: «душа моя, ты девочка седая». И. Кашпуров это сказал, сказал по-своему в стихотворении «Ожидание чуда»:

Я живу в ожиданье чуда,
в ожиданье большой удачи,
серебром получая сдачу
за разменное золото чуба.

В стихотворении «Петляет речка», правда, оно не из числа лучших, автор говорит о себе:

Но тем от речки отличаюсь,
что быть стремлюсь
самим собой.

И пусть поэт выразил свое кредо несколько неуклюже, важно, что на самом деле это так.

В поэтической личности И. Кашпурсва привлекает искренность. Мило и скромно пишет он о природе, своих личных переживаниях, раздумьях человека и гражданина, совершенно не претендуя на роль идейного и духовного вождя, открывателя «поэтических Америк», как это часто бывает с нашими молодыми поэтами. И если все, что написал И. Кашпуров, пропустить через сито самой строгой критики, то в этом сите останется не так уж мало. Прежде всего — «Аппассионата».

Здесь мне хочется сказать несколько слов о критике. В газете «Молодой ленинец» (№ 32, 1969 год) была напечатана статья «Осторожно: история!», в которой автор И. Пирогова не совсем объективно анализирует некоторые стихотворения из сборника Кашпунова «Осенний снег» и поэму «Аппассионата». Может быть, не стоило придавать значения этой статье в молодежной газете «за давностью лет», но автор этой статьи выступает на страницах печати довольно часто и умеет неплохо писать, т. е. в какой-то степени представляет собою лицо местной критики, поэтому хочется, чтобы подобные вещи не повторялись.

Критик - посредник между читателем и автором, он не имеет права

дезинформировать читателя и травмировать писателя. Когда я думаю, каким должен быть критик в наше время, он предстает предо мною в образе умной и доброй Наташи, тонко созданном обаятельной Татьяной Дорониной в фильме «Еще раз про любовь». Помните, как она вышла на сцену, чтобы сказать доброе слово молодому поэту, протянувшему людям на ладонях пусть маленькое, но свое сердце и получившему в ответ незаслуженное холодное равнодушие.

У Владимира Гнеушева есть хорошая мысль о том, что не нужно «там, где надо добрым насладиться, недоброе настойчиво искать». Критик должен помочь читателю найти это «доброе», помочь насладиться этим добрым. Ведь и писателю, и критику одно и то же дорого.

ЛИДИЯ АНОХИНА.